

**СВЯЗИ РОССИЙСКИХ И ЭСТОНСКИХ ИСТОРИКОВ В РАМКАХ
ПРОЕКТА «РОССИЯ И ПРИБАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН В XVIII–XX ВВ.
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»**

CONNECTIONS BETWEEN RUSSIAN AND ESTONIAN HISTORIANS
WITHIN THE PROJECT *RUSSIA AND THE BALTIC REGION IN THE 18TH–
20TH CENTURIES. PROBLEMS OF RELATIONSHIPS IN A CHANGING WORLD*

Балтийское направление международного сотрудничества — одно из приоритетных в деятельности Института всеобщей истории РАН в настоящее время. В контексте данного направления институт укрепляет научные связи с историками стран Балтии. Сотрудничество с эстонскими коллегами развивается в рамках договора между ИВИ РАН и Институтом истории Таллинского университета, который заключен в марте 2008 г. В апреле 2009 г. в Таллине была организована первая российско-эстонская конференция «Россия и Прибалтийский регион в XVIII–XX вв. Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире», положившая начало практике двусторонних встреч¹. К настоящему времени состоялись четыре такие встречи. Итогом сотрудничества стала выработка платформы для конструктивного диалога между историками двух стран. Кроме того, нельзя не упомянуть, что по результатам первых двух конференций был издан сборник статей, посвященный проблемам российско-эстонских межнациональных и межгосударственных отношений².

Конференция, организованная ИВИ РАН и Гуманитарным институтом Таллинского университета³ и состоявшаяся в Москве 24–25 сентября 2018 г., была приурочена к 100-летию Эстонской Республики⁴. Исторический период, на котором сосредоточились участники конференции, характеризовался распадом Российской империи и становлением национальных государств на её западных окраинах. Эти процессы были длительными и непростыми, сопровождалась гражданскими и освободительными войнами, но обретение независимости открыло новую эпоху национальных государств Балтии. В ходе церемонии открытия

¹ См., например: Михайлова Ю. А. Россия и Прибалтийский регион в XVIII–XX вв. Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире: Обзор второй российско-эстонской конференции 29–30 ноября 2010 г. // Россия и Балтия. М., 2011. Вып. 6. Диалог историков разных стран и поколений / Отв. ред. А. О. Чубарьян, ред.-сост. Е. А. Назарова. С. 240–245.

² См.: Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв. Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире / Редколл.: Т. Н. Джаксон, А. А. Комаров, Ю. А. Михайлова, Е. А. Назарова. М., 2013.

³ После структурной реформы, проведённой в Таллинском университете в 2015 г., Институт истории вошёл в состав Гуманитарного института Таллинского университета. Договор, подписанный в 2006 г. между Институтом истории Таллинского университета и ИВИ РАН, продолжает действовать.

⁴ Мероприятие проводилось также при финансовой поддержке в рамках проекта Минобрнауки 33.4122.2017/ПЧ (Международные комиссии историков: современные подходы в исторических исследованиях, изучении и преподавании истории в России и мире).

конференции участники приветствовали научный руководитель ИВИ РАН академик А. О. Чубарьян, директор ИВИ РАН М. А. Липкин, в. н. с. Гуманитарного института Таллинского университета М. Ильмярв. Выступившие подчеркнули, что этот период имеет большое значение для формирования эстонской государственности, а исследование революционных импульсов в контексте российской и мировой истории составляет одно из важных направлений современной историографии. В работе конференции приняли также участие представители МИД РФ и Посольства Эстонии. В ходе двухдневной конференции было заслушано и обсуждено 14 научных докладов.

Исследованию революционных процессов и формированию идеи независимости Эстонии была посвящена первая сессия конференции. В докладе с. н. с. ИВИ РАН к. и. н. Е. Л. Назаровой «Проекты самоуправления Эстляндии и Лифляндии в контексте политики Временного правительства. Март–июнь 1917 г.» рассматривалось, каким образом Временное правительство решало актуализировавшийся в годы войны и революции вопрос о предоставлении народам Российской империи национально-культурной и административной автономии. Автор подчеркнула, что идея автономизации нетитульных наций Российской империи после падения монархии получила широкое распространение. Национальный вопрос обострился в период войны и революции, тем более что Прибалтийские губернии находились в стратегически важном районе и наступавшая Германия не скрывала своих претензий на Прибалтийский регион. В таких условиях национальные лидеры края были намерены добиваться автономии — проект эстонской автономии был подан Временному правительству 18 марта 1917 г.; 24 марта было выполнено требование двух народов по разделу Лифляндской губернии по этническому признаку, а в мае свой проект самоуправления привезла в Петроград и латышская делегация. Несмотря на то, что далеко не все требования и надежды на реформы самоуправления были Временным правительством реализованы, эти документы дали возможность для дальнейшего практического развития планов самоуправления латышей и эстонцев, стимулировали стремление наций к автономиям и показали невозможность административно-политической унификации в новых условиях.

Доктор истории, в. н. с. Гуманитарного института Таллинского университета М. Ильмярв в докладе «Эстляндская губерния до и после октября 1917 г.» продолжил тему рождения идеи автономии Эстонии. Историк сосредоточил внимание на активной деятельности национальной эстонской элиты, которая в условиях войны и революции продвигала во Временном правительстве проект национальной автономии и боролась за создание единой этнической территории. Эстония как политическое образование появилась после образования национальной

Эстляндской губернии в апреле 1917 г. Автор подчеркнул, что цели, которые ставила национальная элита в период Февральской революции, были достигнуты: Временное правительство пошло на уступки и поддержало проект автономии. Ситуация изменилась после Октябрьского переворота: несмотря на то, что большевики пришли в Эстляндской губернии к власти бескровным путем, политические настроения населения и армии осенью 1917 г. оказались для них благоприятными, а на выборах в Учредительное собрание РСДРП(б) набрала наибольшее по сравнению с остальными партиями количество голосов — 37,1%, эстонские политики в большинстве своём стали по-другому смотреть на будущее страны. Смута, охватившая Россию, отрицание традиционных ценностей, в том числе частной собственности, стали причиной того, что эстонская политическая элита, за исключением коммунистов и части социал-демократов, выступила с идеей о национальном самоопределении и провозглашения независимости Эстонии. Дальнейшая её судьба решалась в условиях начавшегося наступления германских войск, введения военного положения и последующей войны за независимость.

Важные аспекты истории Гражданской войны (в прибалтийской историографии эта война носит название Освободительной) на территории Прибалтики поднял в своем докладе д. и. н., г. н. с. ИВИ РАН А. В. Шубин. Историк сосредоточил внимание на событиях 1919 г., когда Советская Россия, после того как 13 ноября 1918 г. был аннулирован Брестский мир, предъявила свои права на Прибалтику. Наступление красных частей (на острие шла дивизия латышских стрелков) имело целью занятие Риги — как важного пункта для дальнейшего продвижения в Европу. Правительство К. Улманиса спешно формировало собственные войска, которые было вынуждено составить из прибалтийских немцев, латышей и русских. «Эстонским фактором» в борьбе за независимую Латвию было то, что латышские силы (Северолатвийская бригада, командующий Й. Земитанс) подчинялись командованию Эстонии. Военные силы Земитанса эстонцы поддерживали и в последующих операциях в борьбе с Красной армией. Решающим для определения судьбы Латвии событием стала победа объединённых сил латышей и эстонцев над немецкими силами (прибалтийский ландесвер и Железная дивизия) в боях под Цесисом 19–23 июня 1919 г., в результате которой правительство К. Улманиса вернулось в Ригу, а созданное прибалтийскими немцами марионеточное правительство А. Ниедры вынуждено было сойти с политической арены. 3 июля при посредничестве Антанты было достигнуто перемирие. Железная дивизия покинула Ригу, а ландесвер вошел в состав латвийской армии.

Вопрос о том, как региональные и международные аспекты влияли на становление независимости Балтийских государств, был рассмотрен на второй сессии конференции. Сессия открылась докладом д. и. н., г. н. с. ИВИ РАН

Е. Ю. Сергеева «Балтийский вопрос в отношениях Советской России и Великобритании (эстонский ракурс), 1918–1920 гг.», в котором он проанализировал советско-британские отношения, в частности по вопросу о статусе Балтийских государств в период революции и Гражданской войны. Автор подчеркнул, что несмотря на очевидную ценность Восточно-Балтийского региона для Великобритании с точки зрения экономики, инвестиций, а также сдерживания «большевистской угрозы», исследователи отмечают отсутствие какой-либо единой политической концепции в отношении государств региона. Решение балтийского вопроса виделось представителям различных групп британского истеблишмента по-разному: меньшая часть (У. Черчилль и генералитет) выступала за восстановление единой сильной России с предоставлением независимости лишь Польше и Финляндии; другие — подобно лорду-председателю Тайного Совета Дж. Кёрзону, отстаивали тезис о необходимости создания на имперских окраинах России полосы буферных государств под британским патронатом, объединённых в некую конфедерацию как «передовую линию противодействия большевизму»; наконец, третьи — вроде министра иностранных дел А. Бальфура и ряда высокопоставленных экспертов Форин офиса, выражая поддержку самоопределению Эстонии и её восточно-балтийских соседей, не исключали, однако, варианта их вхождения в состав демократической федеративной Российской республики. Новый этап начался с провозглашения независимости балтийскими государствами и интервенции Англии против России — Форин офис ориентировался на дипломатическую, военную и финансовую поддержку молодых государств (меморандум А. Бальфура для военного кабинета от 18 октября 1918 г.). С наступлением Красной армии на Ригу «малые страны» стали воспринимать как «буферные государства». Однако после поражения белых и краха Юденича британский Кабинет большинством голосов принял решение о постепенном прекращении военных поставок в страны региона, обеспечив к началу 1920 г. почти полный вывод боевых кораблей из восточно-балтийских вод. С этого момента ставка делалась на формирование под эгидой Британии альянса суверенных восточно-балтийских государств, который смог бы эффективно противодействовать как экспансии большевистской России, так и возрождению милитаристской Германии, что обсуждалось в ходе ряда международных конференций. И хотя провозглашение т. н. Балтийской лиги в составе Эстонии, Латвии, Польши и Финляндии состоялось 17 марта 1922 г. в Варшаве, в последующие годы «Восточно-Балтийский Бенилюкс» не стал прочным политическим образованием вследствие конфликтов между рядом стран региона. В заключение Е. Ю. Сергеев отметил, что послевоенные планы обоих ведущих геополитических игроков в Восточной Балтике — Советской России и Великобритании — по отношению к Эстонии и её соседям оказались на практике

труднореализуемы по целому ряду внутри- и внешнеполитических причин. То обстоятельство, что попытки их осуществления носили непоследовательный, противоречивый характер в значительной степени обусловило сохранение конфликтного потенциала на протяжении всего существования Версальского миропорядка, явившись одной из важных региональных причин начала Второй мировой войны.

Доктор истории, в. н. с. Гуманитарного института Таллинского университета К. Брюггеманн сосредоточил внимание на том, как вопрос о становлении независимых государств на территории Прибалтийского края рассматривается в современной историографии. Историк подчеркнул, что для объективного понимания этих процессов в настоящее время важно в первую очередь региональное измерение, анализ того, какие общие и особенные условия влияли на обретение независимости трех государств, ведь фокусирование исключительно «на своём», на собственной истории, не дает полного представления. На примере Эстонии, где раньше, чем в других Балтийских республиках, было основано демократическое правительство и утверждена конституция (июнь 1920 г.) К. Брюггеманн показал, что влияние оказали многие факторы: и то, что во время войны территория Эстонии не была оккупирована; и Февральская революция, приведшая к созданию Временного правительства, которое не могло противостоять воплощению идей национальной автономии: 24 марта 1917 г. Лифляндская губерния была разделена по этническому признаку, в результате чего уезды с эстонским населением отошли к Эстляндской губернии, а 30 марта было подписано Постановление о временном устройстве, административном управлении и местном самоуправлении Эстляндской губернии. В результате создались условия для окончательного оформления национальной территории. В период же Гражданской и Освободительной войны свою положительную роль сыграло географическое положение Эстонии на самом севере Прибалтики: для наступавшей Красной армии приоритетом была Рига, как возможность экспортировать революцию в Центральную Европу, Таллин же находился на периферии пути к мировой революции. Таким образом, следует учитывать многообразие факторов, повлиявших на возникновение новых государств, и обобщённый взгляд на эти процессы, учитывающий как глобальные факторы (война, революция и распад Российской империи), так и стремления национальных элит к независимости, способствует их лучшему пониманию, заключил историк.

Д. и. н., в. н. с. ИВИ РАН В. В. Рогинский выступил с докладом «Коммунистическое восстание 1 декабря 1924 г. — финал первого этапа мировой революции», в котором рассмотрел попытку коммунистического переворота, предпринятую в Таллине 1 декабря 1924 г. Несмотря на то, что повстанцы были

обезврежены в течение нескольких часов, это событие имело значение в международном контексте. Автор показал, что подготовка вооруженного выступления происходила в структурах РККА, а о начале восстания было принято специальное решение Политбюро. Коминтерн и Эстонская коммунистическая партия также принимали участие в подготовке мятежа. В. В. Рогинский подчеркнул, что Перводекабрьское восстание стало одной из многих попыток советского руководства и Коминтерна экспортировать революцию, при этом таллинские события вписываются в контекст восстаний в Европе, дирижируемых из Москвы, организованных силами малых групп заговорщиков и не поддержанных широким рабочим движением, а неудачи таких выступлений (восстание в Германии 1923 г., 1 декабря 1924 г. в Таллине и др.) постепенно вели советское руководство к свёртыванию «военно-конспиративной деятельности» за рубежом⁵.

Выступление доцента кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России к. и. н. В. В. Воротникова было посвящено особенностям международно-политического признания стран Балтии после Первой мировой войны. Автор подчеркнул специфику военно-политической обстановки на территории Прибалтики после 1918 г., где в противостоянии, охарактеризованном им как «война всех против всех», принимали участие по меньшей мере восемь противоборствующих сторон и заинтересованных политических сил (в том числе внерегиональных). В. В. Воротников подчеркнул особую роль Советской России в признании Прибалтийских государств, а также значение позиции «непредрешенчества» белых правительств для выхода «буржуазных» правительств Прибалтики из военного противостояния с РСФСР и начала переговоров о мире и взаимном признании. На примере Латвии автор продемонстрировал трудности, стоявшие перед странами Балтии в процессе переговоров с Антантой относительно получения признания *de jure*. В заключение В. В. Воротников отметил, что решение задачи сохранения независимости в начале 1920-х гг. Прибалтийские государства видели в поиске внешнего покровителя, что, с одной стороны, было естественным для молодых, не обладавших большим ресурсным потенциалом стран, с другой стороны, соответствовало стратегическим планам ведущих европейских держав в регионе.

Вопросы конфессиональной политики и религиозной жизни в Прибалтике, в том числе в Эстонии, обсуждались на третьей сессии конференции. В докладе к. и. н., в. н. с. ИВИ РАН А. А. Комарова и д. и. н., в. н. с. ИВИ РАН Е. С. Токаревой «К вопросу о конфессиональной политике независимых государств Прибалтики после распада Российской империи» был рассмотрен религиозный аспект

⁵ См. об этом подробнее: Михайлова Ю. А., Рогинский В. В. Мировая революция остановлена в Таллине? // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв. С. 78–102.

становления и укрепления национальной независимости и национальной идентичности Латвии и Эстонии. В этой сфере новообразовавшиеся государства ставили перед собой двойную задачу: во-первых, максимально разорвать связи местных православных церквей с Российской православной церковью и, во-вторых, найти авторитетных покровителей на Западе, способных нейтрализовать влияние православия, ориентированного на Россию, и лютеранства, ориентированного на Германию. Такого покровителя молодые государства видели в Католической церкви (Ватикане), с которой попытались установить тесные связи сразу же после обретения независимости. Однако, при очевидном позитивном восприятии указанных намерений в Ватикане, путь установления дружеских отношений не был простым и легким. Одним из факторов, активно влиявшим на взаимоотношения Ватикана с Балтийскими государствами, был рост националистических настроений в этих странах, в который во многом оказалось втянутым и католическое духовенство. Противоречия и взаимные обвинения польских и латышских католиков вызывали большую обеспокоенность в Ватикане, несмотря даже на то, что в 1922 г. Латвии удалось заключить с Ватиканом Конкордат, предоставлявший Католической церкви в этой Балтийской стране ряд привилегий. В соседней Эстонии, где католики составляли лишь 0,2 % населения страны, то есть около 2500 человек, подобные националистические настроения скорее играли на руку Ватикану. Рост националистического движения среди православных эстонцев давал Риму основание для весьма сильной надежды на заключение с ними унии.

Другим фактором, существенно сказавшимся на развитии латвийских и эстонских отношений с Ватиканом, был курс, достаточно твёрдо взятый правительствами обоих государств, на построение светского государства. Проекты ограничения прав Католической церкви в Латвии, выявившиеся в ходе подготовки Конкордата, законы о конфессиональных организациях в Эстонии 1925 и 1934 гг., носившие отпечаток ограничительного характера, служили причиной озабоченности дипломатических представителей Ватикана в этих странах, и они стремились представить свои возражения соответствующим правительствам. Но несмотря на отмеченные негативные факторы, отношения новых стран с Ватиканом развивались достаточно стабильно вплоть до Второй мировой войны. В своём выступлении А. А. Комаров и Е. С. Токарева опирались на выявленные и опубликованные ими документы из ватиканских архивов⁶.

⁶ *Комаров А. А., Токарева Е. С.* «То, что есть некая склонность к унии, в этом нет сомнения...»: Донесения апостольского делегата в Эстонии Антонино Дзеккини. 1924–1929 гг. // Исторический архив. 2016. № 5. С. 114–129; *Их же.* Православие и католичество в Эстонии в переписке посланцев Ватикана (1928—1940 гг.) // История. Электронный научно-образовательный журнал [Электронный ресурс]. 2016. Т. 7, вып. 9 (53). URL: <http://history.jes.su/s207987840001653-7-1> (12.10.2018).

Доктор истории, с. н. с. факультета теологии Тартуского университета И. Пярт выступила с докладом «Вера и независимость. Процесс создания православной Эстонской епископской кафедры в 1917–1918 гг.». Она рассказала о роли православной церкви на территории Эстонии в 1918–1919 гг., сконцентрировавшись на периоде руководства православной церковью в Прибалтике епископом Платоном вплоть до его расстрела большевиками в январе 1919 г. Епископская кафедра в Ревеле (Таллине) была учреждена в 1917 г., когда состоялась епископская хиротония благочинного эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии протоиерея Павла (в монашестве Платона) Кульбуша. Епископ Платон принял епархию в годы немецкой оккупации, когда многие приходы были разрушены войной. Трудно переоценить его деятельность, направленную на поддержание и восстановление церковной жизни: Платон объезжал приходы, обращая внимание на насущные проблемы и трудности, уделял внимание тому, каковы настроения среди народа в отношении православия, ратовал за самообеспечение церковных причтов в условиях военного хаоса, когда главным становился не вопрос участия государства в управлении церковной жизнью, а роль народа в её поддержке. На епархиальном собрании 22 апреля 1918 г. был сформулирован переход от «церкви государственной» к «церкви народной», собрание согласилось с Платоном в том, что нужно опираться не на государственность (российскую или оккупационных властей), а на «эстонскую национальность».

Подводя итоги, И. Пярт подчеркнула, что хотя образование епископской кафедры в Эстонии не было чем-то из ряда вон выходящим в череде церковных событий 1917 г., процесс, начатый эстонскими православными, стал для эстонской православной церкви формирующим, важным этапом, который впоследствии привёл к отделению Православной церкви Эстонии от Московского патриархата. Именно в ходе лоббирования Ревельского епископства сплотились деятели православия, произошла мобилизация приходов и прихожан, укрепилась позиция националистов среди руководителей церковных структур. Война, оккупация, революция, а также параллельные процессы в лютеранской церкви также стимулировали переход к идее церковной самостоятельности в Эстонии.

К. и. н., с. н. с. ИВИ РАН Н. А. Беякова выступила с докладом «Традиции периода независимости в повседневной жизни православных приходов Эстонии 1960-х — 1970-х гг.», в котором рассказала об уникальной особенности жизни православных приходов в Советской Эстонии, а именно — о сохранении двух церковных практик ведения богослужения, западной и восточной пасхалий. Традиция празднования Пасхи по новому стилю была введена в Эстонии в 1920 г., когда по благословению святейшего патриарха Тихона Священный синод и Высший церковный совет Православной российской церкви на совместном

заседании постановили предоставить право автономной церкви в Эстонии при праздновании церковных праздников пользоваться новым стилем. При этом часть православных («русских») приходов продолжили жить по старому календарю. Н. А. Белякова подчеркнула: несмотря на то, что после войны, когда Эстонская православная церковь была присоединена к Московскому патриархату, архиереи Эстонской епархии стремились к унификации церковной жизни и прилагали усилия «перевести» всю епархию на старый стиль, в соответствии с «обычаями и традициями Православной Церкви», лишь несколько эстонских приходов восприняли переход к александрийской пасхалии. Практика показала, что традиция праздновать Пасху по новому стилю сильно укрепилась в эстонском обществе, где тесно сосуществовали православные и лютеране, а во многих смешанных браках православие и лютеранство исповедовались одновременно, что и отмечали приходские священники, глубоко укоренённые в местной традиции. В заключение Н. А. Белякова подчеркнула, что уникальная разделённость эстонского православия на разные временные и языковые пространства, заложенная в период независимости, несмотря на определенные попытки унификации, сохранялась на протяжении всего советского периода. Это стало возможным в том числе и потому, что советская власть индифферентно относилась к существовавшей ситуации, в отличие от Украины и Белоруссии, где епископат и чиновники объединяли усилия в борьбе с местными народными религиозными практиками. Вопрос о том, почему из всех специфических православных эстонских практик межвоенного периода в Эстонии сохранилась именно пасхалия по западному стилю — тема для будущих исследований, заключила Н. А. Белякова⁷.

В завершение первого рабочего дня конференции состоялась презентация книги «Православие в Прибалтике: религия, политика, образование 1840-е — 1930-е гг.», ответственным редактором которой является И. Пярт⁸. В книге рассматривается история православия в Прибалтийском регионе на материале синодального периода и периода независимой Эстонской Республики. Авторы статей — учёные из Эстонии, Латвии, Литвы, России и Германии анализируют значение православия для народов Прибалтийского региона, задаются вопросом, в какой степени православие как господствующая конфессия служила инструментом

⁷ См. о православии в Прибалтике также другие работы автора: *Белякова Н. А.* «В республике наблюдается устойчивый процесс снижения уровня религиозности населения»: Об особенностях религиозной жизни в Латвии и Эстонии в позднесоветский период // *Церковь и общество в истории стран Центрально-Восточной Европы: актуальные исторические исследования.* М., 2012. С. 123–138; *Её же.* Православная церковь в общественно-политической жизни прибалтийских государств // *Православная церковь при новом патриархе /* Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Московский центр Карнеги. М., 2012. С. 341–400.

⁸ См.: *Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1840-е — 1930-е гг.* / Отв. ред. И. Пярт. Тарту, 2018.

национальной политики и способствовала укреплению имперской власти на национальных окраинах. Значительная часть историков даёт однозначный ответ на этот вопрос: православие являлось инструментом в руках государства, служило задачам ассимиляции национальных регионов и формированию единой русской нации. Задача сборника — показать, что реальная ситуация была намного более сложной и неоднозначной.

Авторы статей освещают различные аспекты этой проблемы, предлагают оригинальные интерпретации, опирающиеся на значительную источниковую базу. Их труды отражают современное состояние исследований, посвящённых роли православия в Балтийском регионе. Изучение традиций восточного христианства не ограничивается анализом деятельности Русской православной церкви и её преемников, но включает рассмотрение истории старообрядцев, а также православных сету, проживающих на границе с Прибалтикой, в Псково-Печерском крае.

В ходе четвёртой сессии конференции обсуждались вопросы национального и экономического развития Эстонии в составе Российской империи и в период независимости. Н. с. Института Европы РАН / МГИМО (Университета) МИД России П. В. Осколков в докладе «Вапсы: опыт институционализации национализма в межвоенной Эстонии» затронул проблему деятельности эстонской националистической организации — Лиги ветеранов освободительной войны (вапсов). В межвоенной Эстонии сложились необходимые условия для формирования успешной националистической партии: с одной стороны, государственная система имела существенные недостатки, на которые обращали внимание многие политические деятели: отсутствие сильной президентской власти и даже должности президента, «всевластие партий»; с другой стороны, благоприятный контекст: экономический кризис, дискуссии о девальвации кроны и характерный почти для всех стран Центральной и Восточной Европы правоавторитарный поворот. П. В. Осколков обратил внимание на характер организации: с 1932 г. вапсы являлись политическим движением, но не партией (одним из лозунгов был отход от «партийной политики»), принимавшим активное участие в политической жизни Эстонии, в том числе по вопросу об изменении конституции и выхода из кризиса. Несколько позднее для участия в парламентских и президентских выборах было организовано Народное движение вапсов, по количеству членов оно стало крупнейшей партией Эстонии.

Говоря об идеологии вапсов, автор подчеркнул, что её основой являлся классический консервативный тезис о народе как едином целом, едином политическом теле (*rahvusliktervik*). П. В. Осколков также отметил, что далеко не однозначным является вопрос о возможности причисления движения вапсов

к «фашистскому» — если придерживаться критериев отнесения движения к фашистскому, предложенных С. Пейном⁹ (корпоратизм, ирредентизм, организованное насилие, авторитарное лидерство), то вапсы определённо не вписываются в эту категорию. По мысли идеологов движения, эстонцы — особый народ, но не стоит его ставить выше других народов. Вапсы были движением не столько «против» чего-либо, сколько «за»: за республику с «президентской конституцией» и сильной исполнительной властью, палингенетическое возвращение к идеалам Освободительной войны, за создание «нового эстонца». Завершая анализ истории движения вапсов, П. В. Осколков отметил, что их успешная политическая деятельность, подкреплённая поддержкой населения, была прервана государственным переворотом 12 марта 1934 г.: активные члены движения вапсов были уволены из Союза обороны Эстонии (Кайтселийта) и других государственных учреждений. Попытка государственного переворота, предпринятая вапсами в декабре 1935 г., была подавлена: 150 активистов приговорили к разным срокам тюремного заключения (в 1938 г. их амнистировали), а лидер Артур Сирк был вынужден эмигрировать.

Д. соц. н., профессор МГИМО (Университета) МИД России Р. Х. Симонян в докладе «От Эстляндской губернии к Эстонскому государству» остановился на анализе черт национального характера и национальной культуры эстонского народа, которые обеспечили условия для формирования государственности. Р. Х. Симонян подчеркнул значимый вклад эстонцев в мировую культуру, что также является основополагающим качеством состоявшейся нации. Восприимчивость к новому является гарантией развития нации. И сегодня девиз независимой Эстонии — «изменяющаяся к лучшему страна», подчеркнул автор.

Доктор истории, директор издательства «Argo» Андрус Адамсон выступил с докладом «О начале банковского дела в Эстонии», в котором рассказал, как в XIX — начале XX в. в Эстляндии и Лифляндии появились первые банки и система кредитования. Прежняя полусредневековая система основывалась на крупных торговых домах, однако к концу XVIII в. она оказалась в кризисе — требовался дополнительный финансовый ресурс. Первыми настоящими частными ипотечными банками стали созданные в 1802 г. кредитные общества Лифляндии и Эстляндии, стартовый капитал которых был основан на госзаймах. А. Адамсон отметил, что после крестьянской реформы в Эстляндии и Лифляндии (1816 и 1819 гг.), когда прибалтийские крестьяне были освобождены от крепостной

⁹ Стэнли Пейн (р. 1934) — американский историк, исследователь истории Испании и феномена европейского фашизма, предложил типологическое описание фашизма, а также основные характеристики идеологии. См., например: *Payne S. Fascism: Comparison and Definition. Madison, 1980; Idem. A History of Fascism, 1914—1945. Madison, 1995.*

зависимости без земли, эти кассы в том числе финансировали выкуп крестьянами своих земель. На ипотеке базировались и соответствующие учреждения в городах (кредитное общество таллинских домовладельцев, 1868 г., Лифляндское городское ипотечное общество в Тарту и в др. городах, 1884 г. и пр.). С развитием промышленности и финансов во второй половине XIX в. формировались и частные коммерческие банки (*Dorpater Bank*, 1868 г., *Revaler Handels-Bank*, 1871 г.). Если первые подобные общества были учреждены представителями остзейской знати, позднее были основаны и чисто эстонские банки. По примеру Германии и Северных стран, а также остзейских немцев и благодаря изменениям в российском законодательстве появились общества взаимного кредита (первое в 1902 г. в Тарту, самое крупное, будущий Кредитный банк, в 1907 г. в Таллине — накануне и во время Первой мировой войны оно выполняло как бы функции центрального банка). Завершая свой доклад, историк подчеркнул, что многие местные банки пережили мировую войну, революцию, немецкую оккупацию и Освободительную войну, став таким образом основой для формирования национальной банковской системы независимой Эстонии.

На завершающей пятой сессии конференции выступил м. н. с. Гуманитарного института Таллинского университета Денис Кузьмин. В своём докладе «Кавказ (как земля обетованная?) в эстонских газетах конца XIX — начала XX вв.» он подверг анализу практику миграций эстонцев и особенности отражения этого процесса в эстонской прессе конца XIX — начала XX в. Автор подчеркнул, что у современного миграционного кризиса много схожих черт с общероссийскими миграционными кризисами в общем и миграцией автохтонного населения с территории Эстляндской губернии в частности: они заключаются и в присущим этим периодам видам миграций, и в транснациональном аспекте. Переселения эстонцев во внутренние губернии Российской империи началось в середине XIX в. Эстонские крестьяне переселялись в другие губернии в поисках лучшей жизни, земли и благополучия. По упоминанию в газете «*Ristirahva Pühapäevaleht*» («Воскресный христианский листок») от 11 июля 1904, крупное переселение эстонцев в Самару из Лифляндской и Эстляндской губерний пришлось на конец 1850-х — начало 1860-х гг., в 1861 г. началось переселение самарских эстонцев в Крым. Открытие в 1871 г. Балтийской железной дороги интенсифицировало процесс. Д. Кузьмин отметил, что переселения эстонцев — тема, волновавшая многих. Среди авторов, посвящавших ей свои публикации, — журналисты и общественные деятели, школьные учителя, пасторы — эстонцы и немцы. Автор подчеркнул, что отношение к переселенческому движению в Эстонии с самого начала было резко отрицательным. Поэтому тем, кто вплотную занимался этой темой, приходилось ориентироваться на аудиторию, которая изначально была

настроена против переселенцев и идеи «смены родины». Эстонские и немецкие публицисты описывали Кавказ так, что туда невозможно было не захотеть поехать: подчёркивались замечательный климат, плодородие почв, прогресс и процветание. Материал подавался в том числе в виде писем эстонских колонистов на родину. Эти письма, имевшие намерением связать метрополию и диаспору, вызвали новые вспышки «переселенческой горячки», которая всячески осуждалась оппонентами переселения, что и являлось предметом споров на страницах эстонской прессы. Таким образом, подчеркнул Д. Кузьмин, периодика оказывала определённое влияние на восприятие переселений. Эстонские колонисты, несмотря на трудности адаптации, добились процветания колоний, но в историческом масштабе оно было недолгим — плоды его потонули в эпохе революции, Гражданской войны и большевистском терроре. Тартуский (Юрьевский) мирный договор 1920 г. окончательно разделил эстонское общество на тех, кто смог оптироваться, и на тех, кто остался в Советской России, фактически — на своих и чужих. Следы этого разделения заметны и сейчас в современной Эстонии, заключил автор.

На заключительном заседании конференции участникам было представлено второе издание книги «Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв.»¹⁰. Книга впервые вышла в конце 2013 г. как результат международного научного проекта (в том числе научной конференции, которая состоялась в июне 2011 г. в Москве), осуществлённого историками России, Швеции, Латвии и Эстонии. Участники конференции выразили удовлетворение состоявшимся научным диалогом и — в преддверии столетнего юбилея подписания мирных договоров между Советской Россией и республиками Балтии, которые имели огромное значение как для преодоления военного и революционного кризиса в этом регионе, так и последующего международного признания независимых Латвии, Литвы и Эстонии — высказали надежду на то, что практика подобных научных встреч не прервётся.

Ю. А. Михайлова

¹⁰ Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв. / Отв. ред. А. А. Комаров. М., 2019.